

Алекс Краас

A movie poster featuring a man with dark hair and a light beard in the center, looking directly at the camera. He is wearing a dark grey t-shirt. To his left is a woman with blonde hair, and to his right is a woman with red hair. They are all looking off to the side. The background is a blurred modern house. The title is written in large white letters across the bottom, and there are rating labels in the bottom corners.

*Любимый племянник
Особняк страсти*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Aleks Kraas

**Любимый племянник:
Особняк страсти**

«Автор»

2026

Kraas A.

Любимый племянник: Особняк страсти / А. Краас — «Автор»,
2026

Двадцатилетний Никита в одночасье теряет всё: дом, мать, привычный мир. В пожаре чудом выживает лишь он. Приют ему дают две сестры его погибшей матери — сорокапятiletняя блондинка Елена и пятидесятипятилетняя рыжеволосая Маргарита, владелица салона красоты. Жизнь под одной крышей с этими роскошными женщинами, их подругами и тремя юными дочерьми быстро превращается в водоворот чувственного искушения. Одна за другой обитательницы особняка начинают откровенно флиртовать с Никитой, вовлекая его в тайный мир зрелой страсти. Парень перестаёт сопротивляться и последовательно познаёт каждую из двенадцати женщин — от нежных подруг матери до их соблазнительных дочерей. Дни сливаются в череду утех в разных уголках дома. Но за плотскими наслаждениями скрывается мрачная тайна, и когда Никита случайно узнает истинную причину того рокового пожара, его жизнь раскалывается надвое. Ему предстоит страшный выбор между мстью и прощением, способный разрушить и этот новый, порочный рай.

© Kraas A., 2026

© Автор, 2026

Aleks Kraas

Любимый племянник: Особняк страсти

Глава 1. Пепел

Никите всегда казалось, что самые страшные вещи происходят беззвучно. В кино катастрофы сопровождаются грохотом, криками, душераздирающим саундтреком. В жизни всё иначе. Настоящий ужас пришёл к нему мягко, почти ласково, подкравшись на цыпочках, пока он спал.

Та ночь началась как самая обычная. Мать допоздна смотрела какой-то старый фильм в гостиной, а он, уставший после пар, заснул у себя в комнате на втором этаже, даже не раздевшись. Ему снилось море — бескрайнее, бирюзовое. Волны накатывали на белый песок, и где-то вдалеке звучал женский смех. Он не знал, кому принадлежит этот смех, но тот был тёплым и почему-то до боли родным.

Проснулся он не от шума — от запаха.

Сладковато-едкий, пропитанный гарью и чем-то химическим, он просачивался сквозь щель под дверью, заползал в ноздри, оседал на языке. Никита открыл глаза и не сразу понял, где находится. В комнате было темно, только под дверью мерцало что-то оранжевое, нехорошее, живое. Словно отблески костра, который кто-то развёл прямо в коридоре.

— Мам? — позвал он хрипло, ещё не успев испугаться.

Ответа не было. Только треск, только нарастающий гул, похожий на дыхание огромного зверя. Он вскочил с кровати, пошатнулся — голова закружилась от дыма, — и рванул к двери. Ручка обожгла ладонь. Металл раскалился так, что кожа зашипела.

— Мама! — закричал он уже в полный голос.

Дверь не поддавалась. Что-то с той стороны заблокировало её — может быть, рухнувшая балка, может быть, мебель. Он принялся колотить в неё плечом, но дерево только зловеще затрещало, не сдвигаясь ни на сантиметр. Дым становился гуще, он проникал повсюду, заставляя кашлять и задыхаться. Лёгкие горели.

Окно. Единственный путь.

Никита метнулся к подоконнику, сдёрнул шторы, рванул раму. Она не поддалась — пластик покоробился от жара. Он ударил локтем, ещё раз, ещё, не чувствуя боли, и наконец стекло треснуло, осыпавшись фонтаном осколков. Ночной воздух хлынул в комнату, но вместе с ним пламя за его спиной, получив доступ к кислороду, взревело с новой силой.

Он не помнил, как выпрыгнул. Не помнил, как, цепляясь за водосточную трубу, содрал кожу на ладонях до мяса. Не помнил, как бежал по газону, проваливаясь в мягкую землю, а за его спиной старый деревянный дом, в котором он вырос, превращался в гигантский погребальный костёр. Языки пламени лизали ночное небо, и в их адском оранжевом свете Никита видел, как рушится крыша, как лопаются стёкла, как чёрный дым поднимается столбом, заслоняя звёзды.

— Мама... — прошептал он, падая на колени в мокрую траву.

Последнее, что отпечаталось в его сознании перед тем, как тьма сомкнулась, — это вой пожарных сирен, далёкий и бессильный, как крик о помощи, на который никто не пришёл.

Сознание возвращалось рывками, как загружается сломавшийся компьютер. Сначала — белый, стерильный, безжалостный свет, проникающий сквозь веки. Затем — монотонный писк медицинских приборов. И, наконец, — голоса. Мужской, спокойный, что-то объясняющий про «отравление угарным газом» и «ожоги первой степени». И женский — мягкий, с металличе-

скими нотками, который показался знакомым, но Никита никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

Он открыл глаза.

Белый потолок. Капельница. За окном, забранным жалюзи, — серое небо и косые струи дождя. Он лежал на больничной койке, укрытый тонким одеялом, и каждая клеточка тела болела так, будто его долго били. Ладони были забинтованы, на левом предплечье темнел широкий пластырь.

— Очнулся, родной.

Никита с трудом повернул голову. У изголовья сидела женщина. Светлые волосы, убранные в короткую стрижку, заплаканные голубые глаза, тонкие пальцы, сжимающие скомканный платок. Елена Викторовна, сестра его матери, его тётя. Он помнил её с детства: мягкая, тёплая, вечно пахнущая лавандой и ванилью. Она всегда привозила ему подарки на Новый год и плакала, когда он болел.

— Тётя Лена... — прошелестел он пересохшими губами.

— Я здесь, Никитушка. Здесь. — Она наклонилась и поцеловала его в лоб. От неё пахло теми же духами, что и всегда, и этот знакомый запах почему-то вызвал у него слёзы.

— Мама... — начал он и осёкся.

Потому что увидел, как лицо Елены исказилось. Как из её глаз снова хлынули слёзы. Как она закусила губу, пытаясь сдержаться, и не смогла.

— Нет больше нашей Ирочки, — произнёс низкий, грудной голос откуда-то сбоку.

Никита повернулся. У окна стояла вторая сестра — Маргарита Викторовна. Высокая, статная, с копной рыжих волос, собранных в сложную причёску. Она была одета в тёмно-зелёный брючный костюм, который сидел на ней как влитой, подчёркивая всё ещё безупречную для её пятидесяти пяти лет фигуру — широкие бёдра, тонкую талию, высокую грудь. На её лице не было слёз, но глаза — тёмно-карие, почти чёрные, — смотрели с такой скорбью, что Никите стало страшно.

— Пожар... — она произнесла это слово глухо, как приговор. — Ты единственный, кто выбрался. Соседи вызвали пожарных. Твою мать... Иру... не смогли спасти. Она была в гостиной, на первом этаже. Там всё выгорело дотла за минуты.

Никита закрыл глаза. Перед его внутренним взором снова встал тот оранжевый отблеск под дверью. Треск пламени. Запах гари. И собственный голос, кричащий «Мама!» в пустоту.

— Я не смог... — прошептал он. — Дверь заклинило... я не смог до неё добраться...

— Не смей, — резко сказала Маргарита, и в её голосе звякнула сталь. — Не смей винить себя. Ты не мог ничего сделать. Пожарные сказали, что в коридоре обрушилась лестница. Ты вообще чудом остался жив.

Елена снова всхлипнула и сжала его руку. Её ладонь была тёплой и мягкой, и Никита, сам не заметив как, вцепился в неё, словно в спасательный круг. Они сидели так долго — тётя Лена плакала, тётя Рита стояла у окна, прямая, как струна, и только желваки ходили на её скулах, а за окном шёл дождь, серый и бесконечный, как сама скорбь.

Потом Маргарита подошла ближе и положила ладонь ему на плечо. Её рука была тяжёлой и уверенной.

— Ты будешь жить с нами, — произнесла она тоном, не допускающим возражений. — Дом у нас большой, места хватит. Ни о чём не думай. Мы позаботимся обо всём. Ты — наша семья. Единственная, что у нас осталась.

— Единственная... — эхом повторила Елена, и в этом слове было столько нежности и горя одновременно, что у Никиты сжалось сердце.

Две недели спустя он переступил порог их загородного особняка.

Машина — чёрный внедорожник Маргариты — свернула с трассы на частную дорогу, обсаженную соснами. За очередным поворотом открылся дом. Никита ожидал увидеть что-то роскошное, но реальность превзошла все ожидания. Трёхэтажный особняк из белого камня возвышался среди вековых деревьев, словно маленький замок. Широкая терраса с колоннами опоясывала первый этаж. Над ней, на втором этаже, тянулся балкон с коваными перилами. Третий этаж венчала мансарда с панорамными окнами. Вокруг дома раскинулся ухоженный парк: газоны, подстриженные кусты, клумбы с розами, ещё не увядшими в эту тёплую осень.

— Здесь мы живём, — сказала Маргарита, заметив его ошарашенный взгляд. — Лена занимается домом, я — своими салонами. Территория большая, есть бассейн с подогревом в отдельном павильоне, сауна, бильярдная. Тебе здесь будет комфортно.

— Я не привык к такому, — честно признался Никита.

— Привыкнешь. — Она усмехнулась уголком рта. — Это твой дом. Теперь — твой.

Входная дверь открылась. Из дома на террасу высыпали три девушки, и Никита невольно залюбовался ими. Все разные, все по-своему красивые. Первая — брюнетка с длинными волосами, заплетёнными в косу, в простом светлом платье. Она улыбалась застенчиво и чуть сжимала пальцы, словно не зная, куда их деть. Вторая — спортивная шатенка с короткой стрижкой, в обтягивающих лосинах и топе, открывавшем рельефный живот. Третья — золотоволосая, с мягкими выющимися локонами и чуть рассеянным взглядом; её руки были испачканы синей краской.

— Это наши дочери, — произнесла Елена с тёплой улыбкой и указала на брюнетку: — Анна. Моя старшая. Ей двадцать шесть, учится на медицинском. Умница.

Анна подошла и осторожно, почти робко, обняла Никиту. От неё пахло чем-то цветочным — может, ромашкой? — и её волосы, коснувшиеся его щеки, были мягкими, как шёлк.

— Добро пожаловать, Никит, — сказала она тихо. — Я рада, что ты теперь с нами.

Он пробормотал что-то вежливое, чувствуя, как краска заливает щёки. Анна была красива той тихой, спокойной красотой, которая не бросается в глаза, но проникает в душу. У неё были тонкие черты лица, большие карие глаза и плавные, мягкие движения. В ней угадывалась порода её матери — та же женственность, та же внутренняя теплота.

— А это Дарья, — Маргарита кивнула на спортивную шатенку. — Моя старшая. Двадцать восемь лет. Фитнес-тренер. Если захочешь накачать мышцы — она тебе поможет.

— Привет, мелкий! — Дарья шагнула вперёд и хлопнула его по плечу с такой силой, что Никита едва устоял на ногах. — Ничего, очухаешься! У нас тут не скучно.

Она рассматривала его с откровенным любопытством, без тени смущения. Глаза у неё были зелёные, дерзкие, а фигура — подтянутая, атлетическая: широкие плечи, узкая талия, длинные ноги с рельефными икрами. Обтягивающая одежда не оставляла простора для воображения, и Никита невольно отвёл взгляд.

— Полина, — представила последнюю девушку Маргарита, и в её голосе прозвучала особая гордость. — Моя младшая. Двадцать пять лет. Художница. Ты увидишь её картины по всему дому.

Полина подошла ближе и остановилась в шаге от него. У неё были удивительные волосы — светлые, но с рыжеватым отливом, как у матери, только мягче, пушистее. Лицо — тонкое, одухотворённое, с чуть вздёрнутым носиком и большими серыми глазами, которые смотрели на мир так, словно видели его сквозь призму искусства. Пальцы, перемазанные синей краской, теребили край свободной туники.

— Привет, — сказала она просто. — Извини за руки. Я работала.

— Ничего страшного, — улыбнулся он.

— Я рисовала закат. Он сегодня был странный — красный, как будто небо горело.

Повисла неловкая пауза. Полина, видимо, сообразила, что сказала что-то не то, и густо покраснела, отступив за спину сестры.

— Ладно, хватит на пороге стоять! — скомандовала Маргарита. — Заходим. Никита, твоя комната на втором этаже. Лена покажет. Потом — ужин.

Особняк внутри был ещё больше, чем снаружи. Просторный холл с мраморным полом и хрустальной люстрой. Гостиная с камином и мягкими кожаными диванами. Столовая с длинным дубовым столом. Лестница, изгибающаяся плавной дугой, вела на второй этаж. Никита шёл за Еленой и крутил головой, как ребёнок, впервые попавший в музей.

— Вот здесь твоя комната, — Елена открыла дверь в конце коридора. — Надеюсь, тебе понравится.

Комната оказалась больше, чем вся его прежняя квартира. Огромное окно выходило в сад, на кровати лежало новое бельё, в углу стоял письменный стол с компьютером — Маргарита, как всегда, всё предусмотрела. Отдельная ванная. Шкаф для одежды. Книжные полки, уже заполненные томами классики и современной прозы.

— Тётя Лена... — начал он.

— Называй меня просто Леной, — перебила она мягко. — Или тётей, если хочешь. Но без отчества. Мы тут по-простому.

— Спасибо. За всё.

Она подошла и обняла его. Прижалась всем телом, и Никита снова почувствовал этот запах — лаванда и ваниль, успокаивающий, родной, почти материнский. Только теперь, в этом объятии, было что-то ещё. Её руки лежали на его спине чуть дольше, чем требовалось. Её грудь, мягкая и полная, прижималась к его груди сквозь тонкую ткань платья. Она словно искала у него утешения — и одновременно давала его.

— Ты так похож на неё, — прошептала она, и её голос дрогнул. — На Иру. Те же глаза. Тот же разрез.

Никита промолчал. Он просто стоял и чувствовал тепло её тела, и это было единственное, что держало его сейчас на плаву. Тепло живого человека. Тепло семьи.

Наконец Елена отстранилась, вытерла глаза и улыбнулась — уже спокойнее.

— Отдыхай. Ужин в семь. У нас сегодня будет гостя — Вероника, подруга Риты. Она держит спа-салон. Очень милая женщина.

Она вышла, прикрыв за собой дверь, и Никита остался один. Он сел на кровать и уставился в окно. Солнце уже садилось, и небо действительно было красноватым — Полина не преувеличила. Он вспомнил её слова о горящем небе и поёжился.

За ужином собрались все. Елена и Маргарита сидели во главе стола. Анна, Дарья и Полина — по бокам. Никита — напротив, как гость, которого ещё не до конца приняли в семью. И ещё одна женщина, которую он раньше не видел.

Веронике было за пятьдесят, но выглядела она заметно моложе. Ухоженная брюнетка с короткой элегантной стрижкой, в светло-сером костюме и с ниткой жемчуга на шее. Держалась она просто, без чопорности, и улыбалась открыто и тепло. Когда её представили, она встала из-за стола и сама подошла к Никите.

— Мне так жаль, что вам пришлось пройти через такое, — сказала она, заглядывая ему в глаза. — Но мы все здесь — одна большая семья. Если что-то понадобится — обращайтесь ко мне напрямую. Я мастер массажа. Вам сейчас не помешает расслабиться.

— Спасибо, — ответил он, чувствуя, как её рука на мгновение задерживается в его руке.

Ужин прошёл почти спокойно. Говорили о пустяках — о погоде, о предстоящих делах, о картинах Полины, которые какой-то журнал согласился опубликовать. Но Никита чувствовал, что за этим спокойствием скрывается что-то иное. Взгляды, которые бросали на него женщины,

были... разными. Изучающими. Оценивающими. Елена смотрела с нежностью, Маргарита — с собственнической гордостью, будто он был её новым приобретением. Анна — со скрытым смущением, отводя глаза каждый раз, когда они встречались взглядами. Дарья — с весёлым азартом. Полина — с любопытством художницы, изучающей новую модель. Вероника — с профессиональным интересом массажиста.

Он был единственным мужчиной за столом. И это создавало странное напряжение, которое он не мог пока выразить словами.

Когда ужин закончился и все разошлись по комнатам, Никита поднялся к себе и лёг на кровать не раздеваясь. Сон не шёл. За окном стрекотали цикады. Где-то внизу, в коридоре, слышались шаги — женские, лёгкие. Прошли мимо. Затихли.

Он закрыл глаза и попытался представить себе будущее. Что его ждёт в этом доме? Как ему жить дальше без мамы, без старой квартиры, без привычного мира? Ответов не было. Было только странное, неясное предчувствие: его жизнь изменилась. И этот особняк, полный женщин, станет для него чем-то большим, чем просто приютом.

Где-то на втором этаже скрипнула дверь. Кажется, кто-то вышел в коридор. И, кажется, этот кто-то остановился у его комнаты. Никита затаил дыхание. Прошло несколько долгих секунд. Шаги удалились.

Когда он наконец провалился в сон, ему снова приснилось море. Только теперь на его берегу стояла женщина. Она была очень красива и смотрела на огонь, горевший прямо на песке. А потом она обернулась, и Никита с удивлением узнал в ней Маргариту. Она улыбнулась ему — властно, собственнически — и сказала:

— Добро пожаловать домой, Никита.

Он проснулся среди ночи в холодном поту.

За окном светила луна, и где-то внизу, в саду, раздавался тихий смех. Женский. Мягкий, переливчатый, полный обещания. Этот смех звучал как приглашение в новую жизнь — пугающую, незнакомую, но почему-то манящую.

Глава 2. Испытание Елены

Прошёл месяц с тех пор, как Никита поселился в особняке. Месяц, наполненный тихой скорбью, осторожными разговорами и постепенным, почти незаметным привыканием к новому дому. Он научился ориентироваться в бесконечных коридорах, перестал путать двери ванн и комнат и уже не вздрагивал, когда из-за угла внезапно появлялась одна из женщин. Особняк жил своей жизнью — размеренной, уютной, женской, — и эта жизнь мало-помалу обволакивала его, как тёплая вода в бассейне.

Но что-то менялось. Едва уловимо, как смена запаха перед грозой.

Никита начал замечать это не сразу. Сперва он списывал всё на собственную мнительность, на обострённое восприятие после пережитого. Мало ли, как ведут себя женщины, когда рядом нет других мужчин? Возможно, они всегда так одевались, всегда так двигались, всегда так смотрели. Просто раньше он не обращал внимания.

Но чем дальше, тем труднее становилось игнорировать очевидное.

Первой, кто привлёк его внимание — не могла не привлечь, — была Елена. Она стала одеваться иначе. Раньше, в первые дни его пребывания в доме, она носила строгие домашние платья — закрытые, тёмных тонов, подобающие скорбящей сестре. Теперь же в её гардеробе словно сама собой появилась лёгкость. Светлые блузки из тонкого шифона, сквозь который угадывались очертания кружевного белья. Юбки, которые раньше доходили до колена, теперь почему-то заканчивались на ладонь выше. Летние сарафаны на тонких бретельках, открывавшие загорелые плечи и изящную шею.

Елене было сорок пять, но выглядела она значительно моложе. Поджарая, ухоженная, с гладкой кожей, которую она явно баловала дорогими кремами. Светлые волосы, коротко подстриженные и уложенные волной, открывали тонкую шею и маленькие уши с жемчужными серёжками. Черты лица — мягкие, но правильные: высокий лоб, прямой нос, чётко очерченные губы, которые она почти не красила, разве что наносила прозрачный блеск. Глаза — голубые, как летнее небо, с лучиками морщинок в уголках, которые появлялись, когда она улыбалась. А улыбалась она теперь часто — стоило ей увидеть Никиту.

Он ловил её взгляды постоянно. За завтраком, когда она подавала ему кофе и задерживала руку на его плече чуть дольше обычного. В саду, когда она в соломенной шляпе возилась с розами и, заметив его в окне, поднимала голову и махала рукой, и её блузка при этом движении натягивалась на груди. В гостиной, когда они вместе смотрели телевизор по вечерам, и она садилась рядом — слишком близко, касаясь его бедра своим.

Никита не знал, что с этим делать. С одной стороны, Елена была его тётей — пусть и не кровной, а сестрой его покойной матери, но всё же родственницей. С другой — он был двадцатилетним парнем, и его тело реагировало на её близость самым недвусмысленным образом.

Особенно тяжело становилось по ночам. Он лежал в своей комнате, слушал, как за стеной ходит Елена — её спальня находилась как раз напротив, через коридор, — и представлял себе то, чего не следовало представлять. Ему становилось стыдно, он ругал себя последними словами, но ничего не мог поделать. Образы всплывали сами собой: Елена, выходящая из душа, закутанная в одно лишь полотенце; Елена, поправляющая бретельку сарафана, которая то и дело соскальзывала с плеча; Елена, наклоняющаяся над столом, и вырез её блузки, открывающий взгляду гораздо больше, чем допускали приличия.

Однажды он не выдержал и поделился своими терзаниями с Дарьей. Они сидели в бильярдной — она учила его играть, хотя получалось у него пока скверно.

— Слушай, — начал он, целясь кием в шар, — а тётя Лена... она всегда так одевается?

Дарья фыркнула.

— Заметил наконец?

— Что — заметил?

— Что она по тебе сохнет. — Дарья закатила глаза. — Братишка, ты что, слепой? Она же вокруг тебя вьётся, как кошка вокруг миски со сметаной. Честное слово, я думала, ты догадаешься раньше.

— Но она же моя тётя! — возмутился Никита.

— Ну и что? Вы не кровные родственники. Она была замужем за братом твоей матери, если ты забыл. А его уже пятнадцать лет как нет. Так что никакого кровосмешения, расслабься. — Дарья прицелилась и точным ударом загнала шар в лузу. — Вдова, сорок пять лет, без мужика уже непонятно сколько. А тут ты — молодой, красивый, живёшь в соседней комнате. Чего ты хотел?

Никита молчал, переваривая услышанное.

— И что мне делать?

— А что ты хочешь делать? — Дарья посмотрела на него с интересом. — Она тебе нравится?

— Она... красивая, — выдавил он.

— Красивая, — повторила Дарья с усмешкой. — Слушай, я не лезу в чужие дела. Но мой тебе совет: если что-то будет — не дёргайся. Она взрослая женщина, сама знает, чего хочет. А ты уже не мальчик. Терпи, казак, атаманом будешь. — И она подмигнула ему с таким видом, что Никита окончательно смешался.

Тем же вечером всё решилось.

День выдался жарким, и к закату духота не спала, а лишь стала гуще, плотнее — так бывает перед грозой. Дома работал кондиционер, но Елене, видимо, было мало. Она вышла в

сад в одном лёгком сарафане — белом, почти прозрачном на просвет. Никита сидел на качелях под старой яблоней, читал книгу — точнее, пытался читать, потому что строчки расплывались перед глазами.

— Не помешаю? — спросила она, подходя.

— Нет, конечно.

Она села рядом. Качели скрипнули. От Елены пахло лавандой — её любимые духи, — и ещё чем-то тёплым, летним, разморённым. Молчание длилось несколько минут. Где-то в кустах стрекотали цикады. Солнце уже село, и небо из оранжевого становилось сиреневым.

— Никитушка, — произнесла она наконец, и её голос прозвучал как-то особенно мягко, интимно, — можно я тебя обниму?

— Можно, — ответил он, не подумав.

Она придвинулась ближе и обвила его руками. Её голова легла ему на плечо. Ладонь оказалась на его груди — прямо там, где гулко стучало сердце. Никита замер, боясь пошевелиться. Он чувствовал тепло её тела сквозь тонкую ткань сарафана, чувствовал мягкость её груди, прижатой к его боку, чувствовал её дыхание — частое, взволнованное.

— Ты так на неё похож, — прошептала Елена. — На Иру. Тот же разрез глаз, та же линия губ. Я смотрю на тебя — и вижу её.

Никита проглотил комок в горле. Он не знал, что сказать. Имя матери всё ещё отдавалось болью где-то внутри, но сейчас эта боль смешивалась с другим чувством — острым, волнующим, запретным.

— И в то же время ты — не она, — продолжила Елена. — Ты — мужчина. Молодой, сильный... такой красивый. — Её пальцы начали медленно поглаживать его грудь сквозь ткань футболки, и Никита почувствовал, как его тело предательски откликается на это прикосновение. — Я так долго была одна. После того как не стало дяди Володи... и потом, все эти годы... я и забыла, каково это — чувствовать.

— Тётя Лена... — начал он и осёкся.

— Называй меня просто Леной. — Она подняла голову и заглянула ему в глаза. В сумерках её зрачки были огромными, а губы — приоткрытыми, влажными. — Я знаю, что это неправильно. Я знаю, что я старше тебя, что я твоя тётя... но я не могу больше. Я не могу.

И она поцеловала его.

Её губы были мягкими, тёплыми, со вкусом мятного чая, который она пила за ужином. Поцелуй получился робким, почти невинным, но Никиту он поразил как удар током. Он замер на мгновение, а потом его тело взяло верх над разумом — он обнял её, притянул к себе и ответил на поцелуй со всей страстью, которая копилась в нём все эти недели.

Елена тихо застонала ему в губы. Её руки заскользили по его плечам, шее, запутались в волосах. Она целовала его жадно, отчаянно, словно изголодавшаяся по влаге путница, добравшаяся наконец до источника. Никита чувствовал, как её сердце колотится — часто-часто, в унисон с его собственным.

— Пойдём в дом, — прошептала она, отрываясь на секунду. — Пойдём ко мне. Маргарита на вечер уехала, девочки разъехались по делам, — она прерывисто дышала, — мы одни.

— Ты уверена? — спросил он, хотя его тело уже кричало «да».

— Я никогда не была так уверена, — ответила она и встала, потянув его за руку.

Они прошли через сад, через террасу, через холл. Дом был пуст и тих, только где-то в гостиной тикали старинные часы. Они поднялись по лестнице на второй этаж, и Елена повела его не в его комнату, а в свою — ту самую, куда он боялся даже заглядывать.

Её спальня пахла лавандой и ещё чем-то сладким — возможно, свечами. Шторы были задернуты, на прикроватном столике горел ночник, отбрасывая на стены тёплый золотистый свет. Широкая кровать с горой подушек была застелена шёлковым бельём персикового цвета. На туалетном столике — флакончики духов, баночки с кремами, серебряная расчёска.

Елена остановилась посреди комнаты и повернулась к нему.

— Я хочу, чтобы ты знал, — сказала она тихо, — это не просто... похоть. Я люблю тебя. Как племянника, как сына, как мужчину — не знаю. Но люблю. И если ты сейчас уйдёшь, я пойму.

Никита не ушёл.

Он шагнул к ней и снова поцеловал. На этот раз поцелуй был глубже, смелее. Его руки скользнули по её талии, спине, нащупали молнию сарафана. Елена помогла ему — повела плечами, и белая ткань соскользнула на пол, оставив её в одном кружевном белье — лифе и трусиках, подчёркивавших всё ещё безупречную фигуру.

Никита залюбовался ею. В полумраке спальни, в золотистом свете ночника, она была прекрасна. Покатые плечи, высокая грудь, тонкая талия, плавно переходящая в округлые бёдра. Кожа — гладкая, ухоженная, с лёгким загаром. И этот взгляд — полный желания, нежности и какой-то обезоруживающей беззащитности.

— Ты красивая, — выдохнул он.

— Я уже немолода, — возразила она с тенью смущения.

— Ты красивая, — повторил он твёрдо.

Он потянулся к её лифу, но запутался в застёжке. Елена мягко улыбнулась, отстранила его руки и расстегнула её сама — одним движением, привычным, но от этого не менее волнующим. Кружево упало к её ногам, и Никита увидел её грудь — не юную, но удивительно красивую, полную, с крупными розовыми сосками, которые сейчас напряглись от прохладного воздуха и возбуждения.

Он прикоснулся к ней — сначала робко, потом смелее. Его ладони легли на её грудь, и Елена тихо застонала, прикрыв глаза. Её соски затвердели под его пальцами, и она выгнулась навстречу его ласкам, как цветок навстречу солнцу.

— Никита... — прошептала она. — Я так долго этого ждала...

Он наклонился и поцеловал её грудь — сначала одну, потом другую. Её кожа была бархатистой на ощупь и чуть солоноватой на вкус. Елена запустила пальцы в его волосы и прижала его голову к себе, не желая отпускать. Из её горла вырывались тихие, сдавленные стоны.

— Я хочу тебя, — прошептала она. — Прямо сейчас. Ложись.

Она потянула его к кровати. Они упали на шёлковые простыни, и Елена принялась расстёгивать его рубашку. Её пальцы дрожали, но двигались быстро, решительно. Рубашка полетела на пол, за ней — джинсы. Она окинула взглядом его обнажённое тело и замерла.

— Боже, — выдохнула она. — Ты прекрасен.

Никита не привык к комплиментам. Он знал, что не уродлив, но и не считал себя красивчиком — обычный парень: среднего роста, худощавый, но с рельефными мышцами, которые появились благодаря домашнему спортзалу Дарьи. Но сейчас, видя, как Елена смотрит на него — с восхищением, с голодом, с почти благоговейным трепетом, — он впервые в жизни почувствовал себя желанным. По-настоящему желанным.

Елена склонилась над ним, и её губы начали путешествовать по его телу. Шея, ключицы, грудь — она покрывала поцелуями каждый сантиметр его кожи, спускаясь всё ниже и ниже. Когда её горячий рот сомкнулся вокруг его восставшей плоти, Никита застонал и вцепился пальцами в простыню.

— О Боже... Лена...

Она не ответила — только продолжила своё дело, и её язык творил нечто невероятное. Никита чувствовал, как напряжение нарастает, как кровь стучит в висках, как всё его тело превращается в один натянутый нерв. Он был близок к разрядке, но Елена, словно почувствовав это, отстранилась.

— Не так быстро, — прошептала она. — Я хочу по-другому.

Она сняла трусики — последнюю деталь одежды, которая ещё оставалась на ней, — и легла на спину, раскинув руки. Теперь она была полностью обнажена, и Никита мог видеть её всю: мягкие изгибы бёдер, тёмный треугольник внизу живота, длинные стройные ноги. Она была прекрасна — не юной красотой, а зрелой, роскошной, зовущей.

— Иди ко мне, — сказала она и протянула руку.

Он склонился над ней и вошёл — медленно, осторожно, давая ей привыкнуть. Елена вскрикнула — не от боли, от наслаждения, — и обхватила его бёдра ногами, притягивая ближе, глубже.

— Да... вот так...

Они начали двигаться. Сначала медленно, изучая друг друга, привыкая к ритму. Но очень скоро темп нарастал — словно обоим прорвало после долгих недель сдерживаемого желания. Елена стонала, уже не сдерживаясь — громко, протяжно, и её голос разносился по пустой спальне. Никита чувствовал, как её ногти впиваются в его спину, как её тело выгибается навстречу каждому его толчку.

— Сильнее! — просила она. — Ещё! Не останавливайся!

И он не останавливался. Он брал её снова и снова, чувствуя, что никогда не сможет насытиться этой женщиной — её запахом, её вкусом, её стонами. Кровать скрипела в такт их движениям. Шёлковые простыни сбились в ком. С ночного столика упала и покатилась по полу расчёска, но никто не обратил на это внимания.

Оргазм настиг её первым. Елена выгнулась дугой и вскрикнула — громко, пронзительно, почти по-звериному. Её тело содрогнулось в конвульсиях, мышцы сжались вокруг него, и это стало последней каплей. Никита излился в неё с силой, которая заставила его самого вскрикнуть, и рухнул на её грудь, обессиленный, опустошённый и бесконечно счастливый.

Они долго лежали молча, приходя в себя. Елена гладила его по голове, перебирала пряди волос. Её дыхание постепенно выравнивалось.

— Спасибо, — прошептала она.

— За что?

— За то, что не ушёл. За то, что не осудил. — Она помолчала. — Я боялась, что ты сочтёшь меня развратной старухой.

— Ты не старуха. — Он приподнялся на локте и заглянул ей в глаза. — Ты самая красивая женщина, которую я знал.

— Лстец. — Она улыбнулась, но в её глазах блеснули слёзы. — Но мне приятно.

— Это правда.

Она притянула его к себе и поцеловала — нежно, почти матерински, но с той же страстью, что и раньше. И в этом поцелуе было обещание — обещание того, что это не последняя их ночь. Что всё только начинается.

— Никто не должен знать, — сказала она наконец. — По крайней мере, пока.

— Рита? — спросил он.

— Рита в первую очередь. Она... собственница. Если узнает, что я тебя соблазнила раньше неё, — будет скандал.

— А ты думаешь, она тоже...

— Я знаю, — перебила Елена с усмешкой. — Моя сестра смотрит на тебя так же, как я. И поверь: рано или поздно она тоже придёт к тебе. Это вопрос времени.

Никита не знал, что на это ответить. Мысль о том, что и вторая его тётя — властная, роскошная Маргарита — испытывает к нему нечто большее, чем родственную привязанность, одновременно пугала и возбуждала.

— А ты... не будешь ревновать? — спросил он.

— Я постараюсь, — честно ответила Елена. — Но я знаю Риту. Она всегда получает то, чего хочет. И если захочет тебя — она тебя получит. Мне остаётся только надеяться, что ты не забудешь меня, когда это случится.

— Я не забуду, — сказал он. — Обещаю.

Она улыбнулась — грустно, но светло. И снова прижалась к нему, уткнувшись лицом в его плечо. За окном начал накрапывать дождь. Гроза, которая весь день собиралась в небе, наконец разразилась — капли забарабанили по крыше, по листьям, по стеклу. Вспышка молнии на мгновение осветила комнату, и в этом белом свете Никита увидел лицо Елены — спокойное, умиротворённое, прекрасное.

Они заснули в объятиях друг друга под аккомпанемент грозы.

Утром Никита проснулся первым. За окном светило солнце, и от вчерашней грозы не осталось и следа — только мокрая трава в саду и капли на листьях роз. Елена ещё спала, свернувшись калачиком у него под боком. Её лицо во сне было безмятежным, как у ребёнка, и Никита почувствовал укол нежности.

Он осторожно, чтобы не разбудить её, выбрался из постели, оделся и вышел в коридор. В коридоре он столкнулся с Маргаритой.

Она стояла у окна с чашкой кофе и смотрела прямо на него. Взгляд её тёмных глаз был острым, изучающим, и в нём читалось нечто такое, от чего у Никиты ёкнуло сердце.

— Доброе утро, Никита, — произнесла она негромко. — Рано ты встал.

— Доброе утро, тётя Рита, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Она сделала глоток кофе, не сводя с него глаз.

— Я заходила к Лене, — сказала она, и в её голосе проскользнули какие-то новые, незнакомые нотки. — Её не было в спальне. Постель не смята. Ты не знаешь, где она?

Никита почувствовал, как краска заливает лицо.

— Я... не знаю. Может, в саду?

— Возможно, — протянула Маргарита и усмехнулась — едва заметно, уголком губ. — Или, может быть, в твоей комнате?

Повисла пауза. Маргарита смотрела на него, он — на неё. В её взгляде не было ни гнева, ни осуждения, ни ревности. Скорее — любопытство. Азарт. И что-то ещё, более глубокое и тёмное.

— Ладно, иди, — сказала она наконец, отпуская его кивком. — Завтракать будем через час. И знай, — добавила она, когда Никита уже повернулся, чтобы уйти, — я всё понимаю. Мы с Леной — сёстры. И у нас похожие... вкусы.

Она развернулась и, покачивая бёдрами, пошла вниз по лестнице, оставив Никиту стоять в коридоре с колотящимся сердцем.

Вкусы. Похожие вкусы. Он ещё не знал, что именно она имеет в виду, но смутное предчувствие подсказывало: его жизнь в этом доме становится всё более запутанной. И самой опасной из всех женщин здесь была вовсе не мягкая, нежная Елена. А та, что только что спустилась по лестнице — с рыжими волосами, властным голосом и глазами хищницы.

Глава 3. Рыжая страсть

Маргарита Викторовна привыкла получать желаемое. Так было всегда — с самого детства, когда она, старшая из трёх сестёр, отбирала лучшие игрушки, лучшее место за столом, лучшее внимание родителей. Так было в юности, когда она, единственная из всех, поступила в престижный институт и с отличием его окончила. Так было в зрелости, когда она строила бизнес — сеть салонов красоты, раскинувшуюся на полгорода. Клиенты, партнёры, конкуренты — все рано или поздно склонялись перед её волей. Маргарита не просила. Она ставила перед фактом.

С мужчинами было сложнее. Их она не понимала и не стремилась понять. Замуж вышла рано, за надёжного, скучного инженера, который боготворил её ровно до тех пор, пока не понял, что богиня не спускается с пьедестала. Развелась легко, без сожалений, оставив себе дочерей и фамилию. Потом были любовники — молодые, горячие, но быстро наскучивавшие. Она меняла их, как перчатки, и ни об одном не жалела.

Но сейчас, глядя на племянника, который сидел напротив неё за столом и ковырял вилкой омлет, Маргарита чувствовала нечто совершенно новое. Не похоть — похоть была ей знакома и привычна. Не жалость — жалость она считала чувством для слабых. Это было... собственничество. Глубокое, почти животное желание обладать. Чтобы этот мальчик — нет, уже мужчина, — принадлежал ей. Только ей.

Она заметила его ещё в больнице — бледного, перебинтованного, но уже тогда в нём угадывалась порода. Та же, что была у Ирины, её младшей сестры, которую она любила больше жизни. Те же тёмные волосы, тот же разрез серых глаз, та же мягкая линия губ. Но если сестра была для Маргариты существом, которое нужно оберегать, то её сын вызывал иные, куда более сложные чувства.

Теперь, когда Маргарита знала о том, что Елена опередила её, — она поняла это сразу, едва взглянув на смущённое лицо племянника утром в коридоре, — внутри неё вскипел гнев. Не на сестру. На себя. За то, что медлила. За то, что дала другой женщине, пусть и родной сестре, первой вкусить запретный плод. Такого она допускать не привыкла.

Завтрак прошёл в напряжённой тишине. Елена, раздумываясь и помолодевшая лет на десять, старательно отводила глаза, но Маргарита видела, как сестра то и дело бросает на Никиту короткие, полные обожания взгляды. Дарья, как всегда, болтала о тренировках, не замечая подводных течений. Анна, тихая и наблюдательная, хмурилась, словно что-то подозревая. Полина витала в облаках, рисуя пальцем на скатерти невидимые узоры.

Никита почти не поднимал глаз от тарелки. Его щёки горели, а движения были скованными. Маргарита смотрела на него и думала: «Мальчик боится. Правильно боится. Но это ненадолго».

Она выждала до полудня.

Елена уехала по делам — что-то связанное с оформлением наследства, — и в доме воцарилась та особенная тишина, которая бывает только в больших особняках, когда все домочадцы разбредаются по своим углам. Дарья умчалась на тренировку, Полина закрылась в студии, Анна ушла в библиотеку готовиться к экзамену. Никита остался один.

Она нашла его в бильярдной. Он стоял у стола, лениво катая шары, и явно думал о чём-то своём. На нём были светлые джинсы и простая белая футболка, которая обтягивала плечи и грудь. Маргарита на мгновение задержалась в дверях, разглядывая его — высокого, стройного, с рельефными мышцами, проступившими за месяц регулярных занятий с Дарьей. Он был красив. Не смазливой красотой, а той, мужской, от которой у женщин перехватывает дыхание.

— Скучаешь? — спросила она, заходя.

Никита вздрогнул и обернулся.

— Тётя Рита. Я думал, вы на работе.

— У меня сегодня выходной. — Она прошла к бару, плеснула себе коньяка и села в кожаное кресло, закинув ногу на ногу. Сегодня на ней был тёмно-бордовый костюм — юбка-карандаш чуть выше колена и приталенный жакет, под которым угадывалось чёрное кружево блузки. Рыжие волосы были собраны в высокую причёску, открывавшую длинную шею с ниткой гранатов. Она знала, что выглядит роскошно. — Сыграем?

— Во что? — он кивнул на бильярдный стол.

— Не в бильярд. В разговор. — Она отпила глоток и пристально посмотрела на него. — Сядь, Никита.

Он сел напротив, явно нервничая.

— Ты, наверное, думаешь, что я злюсь, — начала она. — Из-за Лены.

Никита побледнел.

— Я...

— Молчи. — Она подняла руку. — Я не злюсь. Моя сестра — взрослая женщина, и она вольна делать что хочет. Ты — взрослый мужчина. То, что случилось между вами, — ваше дело. — Она сделала паузу и подалась вперёд, приблизив лицо к его лицу. — Но я хочу, чтобы ты знал: я не привыкла быть второй. Ни в чём.

— Я не понимаю...

— Всё ты понимаешь. — Её губы изогнулись в усмешке. — Ты умный мальчик. Ты давно заметил, как я на тебя смотрю. Как я одеваюсь для тебя. Как я нахожу поводы оказаться рядом. — Она откинулась на спинку кресла. — Лена — нежная, мягкая, она дарит ласку. Я — другая. Я беру. И я хочу тебя. Не как племянника. Как мужчину.

— Тётя Рита...

— Называй меня Ритой. — Она встала и подошла к нему. Остановилась совсем близко — так, что он чувствовал запах её духов, терпкий и пряный. — Я не боюсь слов. Я не боюсь желаний. И я не боюсь осуждения — ни твоего, ни чьего бы то ни было. Я знаю, чего хочу. И хочу я тебя. Сейчас. Здесь.

Никита сглотнул. Сердце колотилось в груди. Он смотрел на эту роскошную, властную женщину и понимал, что не может ей отказать. Не потому, что боялся. А потому, что и сам хотел её. Хотел с той самой минуты, как увидел в больнице, — прямую, гордую, несломленную горем.

— Что вы... что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил он.

— Для начала — перестань дрожать. — Она протянула руку и провела пальцами по его щеке. Её кожа была прохладной от коньячного бокала. — Я не кусаюсь. По крайней мере, не сразу.

Она наклонилась и поцеловала его. В отличие от Елены, чей поцелуй был робким и трепетным, Маргарита целовала уверенно, напористо, словно ставила печать на том, что отныне принадлежит ей. Её губы были жёсткими, требовательными, а язык — настойчивым. Никита ответил ей, и ответил так же страстно, чувствуя, как по телу разливается жар.

— Вот так, — прошептала она, отрываясь от него. — Уже лучше. А теперь встань.

Он подчинился.

Маргарита отошла на шаг и, глядя ему прямо в глаза, начала расстёгивать жакет. Медленно, пуговица за пуговицей, она обнажала плечи, затем — грудь в чёрном кружевном бюстгальтере. Жакет упал на пол. За ним последовала блузка. Она осталась в юбке-карандаш и белье, и от этого была ещё более соблазнительной, чем если бы разделась полностью. Её тело — зрелое, пышное, с роскошными бёдрами и высокой грудью — говорило о том, что она следит за собой, но не отрицает свой возраст.

— Нравится? — спросила она.

— Очень, — хрипло ответил он.

— Тогданими это. — Она дёрнула подол его футболки. — Я хочу видеть тебя.

Никита стянул футболку через голову. Маргарита окинула его оценивающим взглядом — плечи, грудь, живот, — и удовлетворённо кивнула.

— Ты в хорошей форме. Дарья постаралась. Но мышцы — это не всё. Я хочу посмотреть, на что ты способен.

Она взяла его за руку и повела за собой. Не в спальню — в кабинет, смежный с бильярдной. Там стоял массивный дубовый стол, заваленный бумагами, кожаное кресло и широкий диван у стены. Маргарита закрыла дверь на ключ и повернулась к Никите.

— Ты когда-нибудь видел, как женщина раздевается для тебя? — спросила она.

— Нет... — честно ответил он.

— Тогда смотри. И запоминай.

Она расстегнула юбку, и та скользнула по её бёдрам на пол. Чулки, которые она носила даже в жару, остались на ней — чёрные, ажурные, придававшие её ногам особую сексуальность. Затем она сняла бюстгальтер, и Никита снова увидел её грудь — большую, полную, с крупными тёмными сосками, которые сейчас напряглись от возбуждения. Последними она сняла трусики, оставшись только в чулках и гранатовом ожерелье.

— Теперь ты, — сказала она. — Остальное.

Он снял джинсы и бельё, чувствуя, как краска заливает лицо. Маргарита смотрела на него без тени смущения — изучала его тело, и особенно ту его часть, которая сейчас красноречиво свидетельствовала о его желании.

— Хорошо, — произнесла она тоном оценщика, осматривающего товар. — Очень хорошо. Ты меня радуешь.

Она подошла к нему вплотную и прижалась всем телом. Её грудь упруго коснулась его груди, живот — его живота. Она обвила руками его шею и поцеловала — глубоко, властно, утверждая своё право на него.

— Я хочу, чтобы ты знал, — прошептала она, прерывая поцелуй, — я не такая, как Лена. Она будет нежной. Я — страстной. Она будет просить. Я — требовать. Она будет отдаваться. Я — брать. Ты готов к этому?

— Да, — выдохнул он.

— Тогда на стол.

Она отступила и указала на массивный дубовый стол. Никита сел на край, и Маргарита опустилась перед ним на колени. Её губы скользнули по его животу, по бёдрам, а затем она взяла его плоть в рот.

Никита застонал, запрокинув голову. Елена тоже делала это — но совсем иначе, робко, осторожно. Маргарита же была опытной, умелой, и каждое движение её языка было отточено годами практики. Она знала, где надавить, где ускориться, а где замедлиться. Она играла на нём, как на музыкальном инструменте, извлекая стоны и всхлипы, и явно наслаждалась своей властью над ним.

— Нравится? — спросила она, отрываясь на секунду.

— Да... да...

— Хорошо. Но это только начало.

Она поднялась, толкнула его на спину — прямо на разбросанные бумаги, — и сама забралась на стол, оседлав его бёдра. Её чулки скользили по его коже, а гранаты на шее качались в такт дыханию.

— Я хочу, чтобы ты был во мне, — сказала она. — Сейчас.

Она опустилась на него — медленно, контролируя каждое движение. Её тело приняло его с готовностью, и Никита почувствовал, как жар и влага обволакивают его. Маргарита замерла на мгновение, прикрыв глаза, и из её горла вырвался низкий, гортанный стон.

— Да... вот так...

Она начала двигаться. Сначала медленно, задавая ритм, потом всё быстрее и быстрее. Её бёдра работали с силой и точностью, и Никита держался за её талию, чувствуя, как перекачиваются мышцы под её кожей. Маргарита стонала в голос — не сдерживаясь, не стесняясь. Её рыжие волосы выбились из причёски и рассыпались по плечам. Грудь тяжело вздымалась и опускалась, и гранатовые бусы бились о её ключицы.

— Сильнее! — требовала она. — Я хочу чувствовать тебя всего!

Он схватил её за бёдра и стал двигаться быстрее, вбиваясь в неё всё глубже. Стол скрипел под ними, бумаги с шуршанием падали на пол. Где-то в соседней комнате тикали часы, но здесь, в кабинете, время остановилось, превратившись в один бесконечный момент страсти.

— Да! Да! — Маргарита выгнулась, и её тело содрогнулось в оргазме. Она вскрикнула — громко, торжествующе, и её мышцы сжались вокруг него, вытягивая из него ответную разрядку. Никита излился в неё с силой, заставившей его самого вскрикнуть, и они вместе рухнули на стол, тяжело дыша и приходя в себя.

Маргарита лежала на нём, её волосы щекотали ему лицо. Она медленно приходила в себя, и её дыхание постепенно выравнивалось.

— Вот так, — произнесла она наконец. — Теперь ты мой.

— А Лена? — спросил он, сам не зная зачем.

— Лена — моя сестра. Мы поделимся. — Она приподнялась на локте и заглянула ему в глаза. В её взгляде было что-то хищное, но и что-то тёплое, почти нежное. — Ты теперь — часть этой семьи. Не гость, не племянник. Мужчина этого дома. И я позабочусь о том, чтобы тебе здесь было хорошо.

Она поцеловала его в лоб — властно, но с проблеском той самой нежности, которую так тщательно скрывала. Потом слезла со стола и начала одеваться — быстро, деловито, как будто только что не занималась страстной любовью на рабочем месте.

— И знай, — добавила она, застёгивая блузку, — это только начало. У меня много друзей. У Лены тоже. И все они — красивые женщины, которые давно не видели настоящего мужчину. Держись, Никита. Тебе предстоит много работы.

Она подмигнула ему, взяла со стола нетронутый бокал с коньяком, сделала глоток и вышла, оставив его одного среди разбросанных бумаг и смятых документов.

Никита лежал на столе и смотрел в потолок. Его жизнь только что изменилась — снова. Он стал любовником двух женщин, которые были друг другу сёстрами. И если верить Маргарите, это было далеко не всё, что его ожидало.

Он ещё не знал, что бумаги, на которых он сейчас лежал, хранили тайну. Ту самую, которая через несколько месяцев перевернёт его жизнь снова — и на этот раз гораздо страшнее.

Но это будет потом. А пока он просто лежал и смотрел в потолок, чувствуя, как запах её духов всё ещё витает в воздухе — терпкий, пряный, властный.

Запах женщины, которая всегда получает то, чего хочет.

Глава 4. Вдвоём с тётями

После того дня в кабинете Маргариты прошла неделя. Неделя, наполненная украденными поцелуями в коридорах, многозначительными взглядами за ужином и тайными визитами по ночам. Елена приходила к нему через день — тихо, как мышка, скользила в его комнату, когда весь дом засыпал, и оставалась до рассвета. Маргарита предпочитала другое время: она вызывала его к себе днём, когда дом пустел, и брала своё — властно, жадно, не признавая никаких расписаний. Никита чувствовал себя маятником между двумя женщинами, двумя temperaments, двумя видами желания. И каждая встреча лишь разжигала аппетит, не утоляя его до конца.

Сёстры, разумеется, знали друг о друге. Они были слишком близки, чтобы скрывать что-то долго. Но вместо ожидаемой ревности между ними установилось странное, почти заговорщическое взаимопонимание. Они не обсуждали это открыто — просто обменивались взглядами за завтраком, и в этих взглядах читалось: «Я знаю. И я не против».

Вечером пятницы всё изменилось.

Дочери разъехались: Дарья уехала на семинар по кроссфиту в другой город, Анна — на медицинскую конференцию, Полина — на пленэр с друзьями-художниками. Особняк опустел. Только они трое: Никита, Елена и Маргарита. И тишина, которая была громче любых слов.

Ужин прошёл в напряжённой атмосфере. Елена приготовила своё фирменное жаркое, но Никита почти не чувствовал вкуса. Он ощущал, как две пары глаз — голубые и тёмно-

карие — следят за каждым его движением, каждым глотком вина. Маргарита сидела во главе стола, прямая и царственная, и в свете свечей её рыжие волосы казались огненными. Елена — напротив неё, нежная и светлая, нервно теребила салфетку.

— Девочки уехали, — произнесла наконец Маргарита, нарушая тишину. — Мы одни.

Елена подняла на неё глаза и медленно кивнула.

— Мы с сестрой говорили, — продолжила Маргарита, переводя взгляд на Никиту. — О тебе.

— Обо мне? — его голос прозвучал глухо.

— О тебе. — Маргарита отпила вина. — О том, что мы обе... равнодушны к тебе. И о том, что это равнодушие не должно становиться причиной для ревности или обид. Мы — семья. Вся наша семья сейчас — это мы трое. И если мы обрели друг в друге нечто большее, чем родство, это не повод для стыда.

— Мы не хотим, чтобы ты выбирал, — добавила Елена тихо. — Мы не хотим ставить тебя перед выбором. Ты нужен нам обоим. По-разному, но нужен.

Никита переводил взгляд с одной на другую. Сердце его колотилось так сильно, что, казалось, его слышно через весь стол.

— Я... — начал он и осёкся. — Я не знаю, что сказать.

— А ничего не говори. — Маргарита встала и протянула ему руку. — Иди с нами.

Он повиновался.

Они поднялись на второй этаж, но на этот раз — не в спальню Елены и не в комнату Никиты. Маргарита вела их в хозяйское крыло, в ту часть особняка, куда Никита ещё никогда не заходил. Это была её территория: огромная спальня с панорамным окном, выходящим в сад, с камином, в котором уже потрескивали дрова, и с широченной кроватью под балдахином из тёмно-бордового бархата. Комната была пропитана её запахом — терпких духов, дорогого дерева и чего-то ещё, едва уловимого, что Никита не мог назвать, но что заставляло кровь быстрее бежать по венам.

Елена вошла следом и тихо прикрыла за собой дверь.

— Сегодня мы обе хотим тебя, — сказала Маргарита, поворачиваясь к нему. — И мы обе хотим друг друга. Ты готов к этому?

Никита сглотнул.

— Я никогда... с двумя...

— Знаю. — В её улыбке читалось торжество. — Значит, это будет твой первый раз. А я люблю быть первой.

Она подошла к нему и поцеловала — глубоко, властно, как тогда в кабинете. Её язык проник в его рот, а руки уже расстёгивали его рубашку. Сзади подошла Елена — он почувствовал её мягкие губы на своей шее, её нежные пальцы, скользнувшие по его спине под ткань. Две женщины, два аромата — терпкий и лавандовый, — смешались вокруг него, и Никита закрыл глаза, отдаваясь ощущениям.

— Раздевайтесь, — скомандовала Маргарита, отступая. — Оба.

Елена первой скинула платье. Под ним было белое кружевное бельё — невинное, почти девичье. Маргарита усмехнулась и сама расстегнула свой тёмно-зелёный шёлковый пеньюар, оставшись в чёрном, агрессивно-сексуальном комплекте, который подчёркивал каждый изгиб её роскошного тела. Они стояли рядом — светлая и тёмная, нежная и властная, — и обе смотрели на Никиту с одинаковым желанием.

Он разделся, чувствуя, как кровь приливает к щекам и вовсе не к ним одним.

— Ложись, — сказала Маргарита, указывая на кровать.

Никита лёг на прохладные простыни, пахнувшие лавандой — видимо, Елена позаботилась о белье. Женщины приблизились с двух сторон, как хищницы, загнавшие добычу. Елена легла слева, Маргарита — справа. Их тела прижались к нему, и он ощутил разницу температур:

Елена была горячей, как печка, Маргарита — чуть прохладнее, словно её страсть имела другую природу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.